

Цена 10 к.

М. КОВАРСКИЙ

ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ

Библиотека журнала
№ БЕГЕМОТ 101

М. КОВАРСКИЙ

ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА
„БЕГЕМОТА“
Изд-во „Красная Газета“
Ленинград — 1928

ТИПОГРАФИЯ
«КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ»
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО

ЛЕНИНГРАД
ФОНТАНКА, 57

Ленинградский Областлит № 8022.

Тираж 25000 экз.

Заказ № 3008.

ПЕРВЫЙ СЦЕНАРИЙ

О том, как пишутся сценарии для кино, знает нынче всякий сапожник. Пожалуй даже, что сапожники знают это дело лучше других, но не в этом суть. Я не собираюсь ни учить, ни советовать: я просто расскажу историю с моим сценарием.

Я написал чудный сценарий. Любовь и идеология были в нем смешаны, как две жидкости равного удельного веса, т.-е. любовь была с идеологией, а идеология была с любовью. В сущности я мог очаровать и публику и комиссию по просмотру фильма.

Однако, когда я показал сценарий режиссеру, тот, посмотрев на меня, сказал:

— Дурак!

— Нет-с. Заглавие — „Любовь и кровь“, — не поняв его, ответил я.

Тогда режиссер, подумав с минутку, сказал:

— Вы, конечно, не умны, но это не беда. Поумнеть вы можете быстро. Для этого вставьте в сценарий: во-первых, природу, во-вторых, разгул белогвардейцев, в-третьих...

— Позвольте! — заметил я. — Природы у меня много. Вот-с, посмотрите: действие происходит у петергофских фонтанов. Затем...

— Заткните свой фонтан, — резко оборвал меня режиссер. — Идиот! Неужели вы не понимаете, что каждому человеку летом хочется на юг. Вся труппа просится. А вы мне какую-то петергофскую слякоть в нос тычете. Поняли? Впрочем, если по сценарию так уж необходимы фонтаны, то, черт с вами, поедem в Одессу. Там тоже, говорят, какой-то фонтан имеется...

— Гм, — промычал я, понимая режиссера только наполовину. — Ну, а разгул белогвардейцев, — он же есть у меня. Вот читайте: белогвардейцы убивают старуху, выкалывают глаза ребенку и т. д. Жуткий разгул и разврат. Кровь прямо леденеет.

— А вы, кретин, согрейте ее. Поняли? Пусть эти звери-белогвардейцы, насладившись своим преступлением, заберутся в кабачок „Череп“ и там пьют до утра, жрут, пляшут, обнимают продажных женщин... Экий вы чудак. Ну, где бедному актеру взять пети-мети на хороший ужин с винцом? А на юге не вино, а масло... Тягучее. И шашлыки. И чебуреки. Ах, какой вы непонятливый. Ж-р-а-т-ь-то, п-и-т-ь-то всякий человек хочет. Поняли, наконец, что мне нужно.

Каюсь, я грешный человек, я понял. Я работал две ночи и перелицевал свой сценарий так, что героиня обязательно ездила только в остроносых „Бенцах“ и в международных вагонах. Герой из трезвого человека превратился в какую-то

сорокаведерную бочку,—столько вина приходилось ему выпивать. Мелкие персонажи собирались для двухсложных бесед в отдельных кабинетах ресторанов. Профессор-математик, сидевший над своими интегралами, по первому сценарию, в мрачной мансарде, ныне танцевал фокстрот на всех вечерах, „где танцы до утра“ и „уютно, тепло и весело“ .. Словом, от всего сценария осталось прежнего... только моя авторская подпись.

Вот и все. Но именно на эту подпись навалились все подсудимые режиссеры, администраторы и актеры, когда дело слушалось в суде.

— Помилуйте, — говорили эти мерзавцы, — причем здесь мы, если речь идет о нарушении экономики и лишние тратах? Это все — он. Он — негодяй, задумавший такой безумно-дорогой сценарий. Он — автор всех этих трат и излишеств.

Друзья! Я не помню, как я оправдался, да это и неважно. Перед всеми кино-зрителями я прошу сейчас снисхождения. Помилуйте меня! Если не как невиновного, то во всяком случае, как несовершеннолетнего, ибо в этом кино-деле я — сущий ребенок.

ЦИРКОВОЙ ГЕНИЙ

Заведующий уполитпросветом горячо говорил директору цирка:

— Ну, сами посудите. Чем отличается ваш репертуар от дореволюционного, от того, что был 100 лет тому назад? Надо осовременить. Влить советскую струю, бодрящую, свежую.

— Струю, — покачав головой, сказал директор. — А где эту струю раздобыть? Конь — он конем на всю жизнь и останется. От диктатуры пролетариата у него пятая нога нипочем не вырастет. Или шпагоглотатель, скажем. Не станет же он ради политпросвета шницеля заместо шпаг глотать.

— Словом, тов. Джон Бубличенко, вы меня поняли? — перебил политпросветчик директора.

Вздыхнув, директор ушел. Он по опыту знал, что задача будет нешугочная. Но недаром Джон был факиром черной, белой и красной магии. Просидев вечер за бутылкой, директор придумал блестящую программу...

Это было в день открытия цирка. Когда после бравурного марша на арену выбежала грузная

лошадь с наездником на седле, раздался вдруг зычный голос:

— Номер I. Инсценировка борьбы хозяйчика с работницей. Хозяйчик — жокей, работница — лошадь. Как видите, хозяйчик хочет крепко зажать трудящуюся в своих стремянах. Он хочет выехать на чужих ногах, на трудовой спине. Но, ах! Работница стала надобы. Хозяйчик пробует еще крепче обуздать работницу. Он заставляет ее пасть даже на колени, но последний удар хлыстом и... ура! Работница с пеной у рта уносит хозяйчика с манежа. Куда? В трудсессию. Долой хозяйчика!

Номер II. Музыкальные эксцентрики Пип и Пуп изобразят козни наших врагов в звуках. Пип — Чемберлен, Пуп — СССР. Чемберлен играет на дудке. Он думает, что под эту дудку спляшет СССР. Но смотрите. Эга злая идея не вытанцовывается. Зачем СССР плясать под чужую дудку, когда у него свой инструмент — труба? Вот это именно та труба, в которую вылетит вся империалистическая братия. Под трубные звуки „По-напрасну, Остя, ходишь“... Чемберлен сходит с полит-арены. Долой... Прочь...

Номер III. Показательный авиакхимический номер. Воздушные акробаты трио Карудзе завоевывают воздух, как птицы безбожные. Воздух — их стихия. Жертвуйте и вы на аэропланы. Берегите воздух — достояние народа. Не портите его — эту арену нашей защиты. Урра!

Номер IV. Факир. Ест лягушек, стекло, пьет керосин, глотает шпаги и все, что хотите. Обра-

тите внимание на этого новейшего человека. Через рабстоловое меню от гвоздя он дошел до шпаги. От таракана до лягушки. От клюквенного кваса до керосина. И, проделав этот путь, он теперь не нуждается ни в жалобных книгах, ни в диете, он — друг своего желудка и друг Нарпита. Берите с него пример и это поможет вам уйти от чадных плит к общественному питанию. Живио Нарпиту! Наздар!

Номер V. Международный чемпионат французской, вольно-американской, шведской и прочей борьбы. Как говорится — „в борьбе обретешь ты право свое“. Это зрелище дается, как воспоминание о кошмарном прошлом, когда народы боролись друг с другом в кровопролитных боях. Сейчас наступает братство народов. И в светлом международном будущем исчезнет с мировой арены борьба между сильными и слабыми. Исчезнет пристрастное жюри с его подстроенными результатами. Оркестр... Гимн Труда...

* * *

Я не знаю, был ли доволен товарищ из уполитпросвета, но Джон Бубличенко еще долго гордился своим цирком. Джон считал свою выдумку — одним из немалых завоеваний просвет-работы среди масс.

СОВ-ЗАВЕЩАНИЕ

Какой-нибудь Карнеджи или тому подобный капиталист должен приняться за составление завещания не менее чем за двенадцать лет до смерти. Потому, сами понимаете, имущество у него немалое, сразу не поделишь. У нас этот вопрос лишен такой буржуазной волокиты. У нас завещание можно написать между последним и предпоследним дыханием. И то еще свободное время останется. Ниже приводим несколько ходовых текстов, которыми могут воспользоваться будущие советские покойники в зависимости от их профессии. Заранее знаем, что труд наш весьма неблагодарный, ибо, как известно, покойники не благодарят. Итак:

1) *Завещание неплательщика налогов:* Дети. Во-первых, не говорите Шумановичу, что я умер, потому что этот жулик после моей смерти не захочет отдать ту мебель, которую я у него поставил на время описи моего имущества. Во-вторых, хороните меня не раньше чем через 8—10 дней, так как я уплатил управдому за месяц вперед по ставке

торговца и вовсе не желаю ему дарить эти деньги. Ведь вы же, как безработные, будете отныне платить значительно меньше. Вот эту разницу в стоимости квартиры возьмите себе в наследство.

2) *Завещание школьного работника:* Семья. Я оставляю вам немного. Всего только трудкнижку. Но при умении воспользоваться такой книжкой она стоит больше целой библиотеки. Возьмите острую бритву и соскоблите в году моего рождения „1879“ цифру „7“. Вместо нее поставьте „5“. Это даст вам право хлопотать о пенсии. Конечно, я мог бы избежать такого обмана. Но для этого мне нужно было бы прожить еще двадцать лет, что явилось бы нарушением статистики, гласящей так: средний возраст умирающего шкраба равен 48—50 годам. А статистика — наука точная. Итак, живите на пенсию. До скорого свидания.

3) *Завещание кооператора:* Я оставляю весь кооп в полном порядке, в полной сохранности. Если чего не хватит из сладостей или из колбасных товаров, — значит, крысы виноваты. Я сам видел, как эти хищники прикончили полдюжины Мадеры (говорю на случай, ежели, скажем, нехватка в винном отделе будет). Мне-то, конечно, теперь все равно, а только все же предупреждаю вас: гоните крыс также и из парфюмерного отдела. Они, сволочи, три флакона „персидской сирени“ выгрызли (про пудру я уже не говорю, ее вся братва домой носила). А духи эти они слопали, вероятно, по дороге в ту ночь, когда ползли из

мануфактурного отдела (вязаная кофта и толстовка) и бельевого (1 кальс., 1 руб. тафта-мюнез, 2 кашнэ). Так-что оставляю вам весь этот список, а мне уже всего этого не надо. В гроб не возьмешь.

4) *Завещание кино-режиссера:* Олечка. Честное слово я дал бы вам роль баронессы, но, вы видите, я умираю. Не говорите поэтому, что все мужчины одинаковы, сперва, мол, и так, и этак, а потом никак. Если бы не смерть, вы бы у меня после того вечера из массовички в звезду превратились. Ах, какой бы я вам „джимпер“ преподнес тогда! И брошку „русского самоцвета“. И серьги!.. Танечка! Честное слово я... (см. сначала). Ниночка! Честное слово (см. Танечка). Катенька. Честное... (см. Ниночка) и т. д. и т. д. Оставляю вам всем, мои любимые, роль баронессы. Делите ее, как хотите. Я исполняю оптом то, что обещал каждой из вас порознь.

5) *Завещание управдома:* Эх, придется выселяться за счет десятипроцентной нормы на тот свет. Кстати, о свете. Чтоб ни одна гадина после моей смерти не вывинчивала лампочек с черного хода. И вместо меня через пару месяцев будет сплошной прах и пепел. Кстати, о пепле. Чтоб ни одна сволочь не высыпала после моей кончины золу через окно. И съедят меня черви. Кстати, о червях. Чтоб ни один паразит дров в квартире не держал. От этого тараканы заводятся. И сгниют мои косточки. Кстати, о костях. Ежели „костей-тряпок“ опять по двору ходить станут, гоните

вон. От них только шум и беспокойство. А еще
оставляю такое наследство: жильцу № 23 — по-
вестку из нарсуда (забыл передать при жизни),
№ 37 — извещение о предстоящих торгах на его
имущество (тоже забыл), № 19 — постановление
жилкамеры об его выселении (тоже забыл). Ну,
живите, пока домишко не обвалится.

ПАШКИНА КАРЬЕРА

Социальное положение Пашки Туркина в городишке Будыгине было довольно-таки неопределенное. Одни называли Пашку „фулиган“, а другие в разговоре о нем просто махали рукой. И это продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день четырнадцатилетний Пашка не исчез бесследно из Будыгина.

И только через два года Пашка снова появился на будыгинском горизонте. За это время Туркин здорово изменился. Одет он был опрятно, а в глазах его светился великий житейский опыт. Но окончательно Пашка сразил обывателей тем, что, вынув коробку „Сафо“, стал вежливо предлагать папиросы окружающим.

— Пашка! Сукин кот! — не выдержал кто-то из граждан. — Где это ты человеком стал, дурень?

— Перво-на-перво прошу без выражений! — пробасил Пашка. — У нас в центре за это во как штрафуют.

— А ты кем там, Пашка, в центре-то, а? — ухмыльнулся старик Куроцапов.

— Не Пашка, а, извиняюсь, тов. Туркин. У меня служб много. Я ответственный совместитель в Наркоминделе, Наркомздраве, Наркомпросе, ВСНХ, МКХ и всякое такое прочее.

— МКХ, — с недоверием повторил старик Куроцапов. — Врет он все, окаянный!

— А мы его сейчас в оборот возьмем. Проверим. А ну-ка вали, Туркин, сказывай, что на свете-то делается. Раз наркоминдел, ты все новости знать обязан.

— Само собой, — ответил Пашка. И тут же отчеканил: — Италия готовит нападение на Югославию. Франко-испанские переговоры о Танжере. Предательская вылазка Томаса против СССР.

— Мать родная! — закричала тут от неожиданности старуха Потапова. — И огколе вы, Пашенька, таких понятий набравши? Прямо ужас, какие вы теперь умные. Может, не побрезгуете, зайдете чайку ко мне откушать? По старому знакомству, как бы сказать.

Слова старухи определили дальнейший ход событий. Пашку приглашали наперебой. И, приходя куда-нибудь в гости, Пашка, солидно закусив, отвечал на любой вопрос:

— А касаясь городских новостей имею сказать: вариант проекта метрополитэна; малахит вместо булыжника; клад в доме б. генерала Дуева; найдена дамская нога в мешке на Солянке.

— И повезет же так человеку! — восторженно ахали обыватели. — И как это вы складно все

говорите! — И не угодно ли вам, Павел Иванович, еще телятинки?

И так изо дня в день. Популярность гостя все росла и росла. Свои информации он шпарил беспрестанно:

— Из медицины же новости такие: Излечим ли рак? Кесарево сечение под гипнозом. Уничтожение малярийного очага на Бештау. В области строительства следующее: Приезд представителей треста „Симен Бау Унион“ на Свирьстрой, расширение Гипромеза; улучшение быта стажеров.

А через неделю Пашка уехал. Почти весь город провожал его. Все искренне жалели, что теряют такого гениального земляка. Некоторые же гражданки, передавая Пашке какие-то пакеты, стыдливо улыбались при этом:

— Вы уж, тов. Туркин, не отказывайтесь. Тут вон, в кульке, яйца самые отборные, а здесь, в баночке, грибки. А это пирожки, что вы у нас пробовали...

* * *

Так Пашка уехал из маленького, заброшенного городка. На завтра Туркин был уже в Москве и вернулся к своим обычным занятиям. Правда, не в Наркоминдел и не в МКХ. Бегая по улицам с ворохом свежих газет, газетчик Пашка Туркин орал на всю столицу:

— „Вечерняя Москва“! Смерть Братиану! Бешеная травля коммунистов в Венгрии! Найдена кость мамонта! Пересадка обезьяньего желудка человеку! Успехи физиотерапии!...

ТОНКОСТИ ЖИЗНИ

Фабула: агент Электротока Еропегов бросил службу агента на жалованьи 63 рубля и поступил в писмоноscopy на жалованье в 52. Новой обязанностью Еропегова было — разносить денежные переводы. Что заставило Еропегова сделать этот явно невыгодный в материальном отношении шаг? Казалось бы, ничего? Но это только кажется.

Еропегов-агент стучится в квартиру № 63.

— Кто там?

— Агент Электротока.

— Какие еще тут агенты-шмагенты? Знаем их. Нынче всякий налетчик под агента работает.

— Я, извиняюсь, не налетчик, а счетчик Еропегов, служебный номер 736.

— Этак и бандит соврать может. Перережет горло, вот те и 736.

Тогда Еропегов чудом просовывает сквозь щелку в дверях ненаписанный счет. За дверьми слышна ругань.

— Ходят, беспокоят, панику наводят. Ну, заходи уж. Давеча ваш электроток погас, так ни одного монтера не найти было, а как деньги получать, так вы уж тут как тут. Эх, что и говорить! С живого и мертвого шкуру вы драть готовы.

Еропегов вздыхает и на цыпочках тянется к счетчику.

— Ты, смотри, лишних киловатерных часов только не приписывай.

— Сейчас платить будете? — спрашивает Еропегов, проверив счетчик.

— Опять платить? Каждый день платить? Ошатели вы там, что ли?

— Можете и не платить. Только я через неделю приду к вам свет выключать.

— Ну, да, вы, кроме как выключать, ничего и сделать-то не умеете. Выключить-то всякий дурак может. А вот свет без перебою давать — это вам слабо, конечно.

Еропегов, молча, уходит. В день у него 100 счетчиков. В году 365 дней. Люди же вообще все одинаковы.

* * *

Еропегов - письмоносец стучится в квартиру № 63.

— Ну, кто там еще?

— Почтальон. Денежный перевод!

Чудо. Дверь в секунду открывается. На лице у открывшего дивная улыбка.

— Из Вязьмы, да, тов. связист? От тети Ирины Михайловны? Или из Тамбова от Феди?

— Из Тамбова 30 гражданину Кулькину.

— Так и знал, что Федька вспомнит. Что же вы, милый, не садитесь? Устали, чай, бегавши? Курите? Прошу.

— Благодарю! Распишитесь, гражданин. Вот деньги, пересчитайте.

— Да уж чего считать-то? Не обманете. Вижу бумажку, ну, и ладно. Не жулики же мы с вами, хе-хе. Что, уходите уже? Жаль! В кои веки хорошего человека встретишь! Ну, папироску на дорогу захватите. Все-ж веселей по этажам бегать будет...

Еропегов уходит. А вслед ему доносится:

— Там у нас в перило гвоздь вбит. Так в случае чего, боже упаси, не заденьте.

63 — 52 — 11. В день это около 35 коп. За 35 коп. Еропегов покупает ежедневно у людей то количество почестей и уважения, о котором мечтает каждый, но которое доступно только избранным.

КАК ЭТО БЫЛО БЫ СЕЙЧАС

(Материалы из дуэли Пушкина).

Поэт-попутчик Александр Пушкин поднял драповый воротник демисезонного пальто и, выйдя на мороз, кликнул извозца.

— На Комендантское.

— И обратно поедете? — спросил извозчик.

— Обратно не поеду я. Меня быть может повезут, — ответил поэт излюбленным четырехстопным ямбом.

— Тогда другого ищи, — отрубил возница. — Нам обратно не расчет порожняком иттить.

Другой извозчик спросил пятерку.

Попробовавший было поторговаться поэт услышал:

— Дешевле нельзя. Без лишку. Овес — два рубля.

Пушкин стал шарить по карманам. В кармане лежала трешка и глава из «Онегина».

Поэт махнул рукой и поплелся к трамвайной остановке. В ожидании трамвая Пушкин разговаривал с неизвестным гражданином.

— Куда едешь, товарищ? — спросил неизвестный.

— Так, пустяки, стреляться!

— Казенные, или членвзносы? — сказал неизвестный. А потом добавил: — Глупо, брат, стреляться. Пять лет присудят, год отсидишь, а там выпустят и снова заживешь.

— Что такое? — не понял поэт.

— Я говорю про твою растрату. Какие, говорю, суммы ты растратил?

— С ума вы сошли! Какие там растраты! Я поэт! — сказал Пушкин и вскочил на ходу в трамвай.

— Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан! — услышал вдруг Пушкин голос милицейского. — Платите, гражданин, штраф за прыжок на ходу.

Пушкин, неохотно заплатив, стал ждать следующего трамвая.

А неизвестный все пристаёт:

— Ежели не растрата, так чего стреляться-то?

— Как чего? Дуэль. Человек один за женой моей ухаживает.

— А ты в ЗАГС сходи, разведись. Нынче это просто. Без бабы, один сходи. Нынче и порознь разводить можно.

Подошел трамвай. В трамвае беседа продолжалась.

— А тот-то мужик, который ухлыстывает за ей, — нэпман, что ли?

— Нет. Военнослужащий он. Комсостав.

— Фу ты! Ну, и дура баба твоя! Комсостав-то ерунду ведь получает. Неужто пошикарнее хахаля она найти не могла? Зава, нэпмана, торговца...

— Не в этом дело. Тут вопрос чести.

— Честь. Мать моя! Что за честь, коли нечего есть! Ты бы лучше пальтишко мехом каким подшил бы, чем такой ерундой заниматься. На дворе, чай, не лето. А мех-то у тебя рыбий!

И сказав это, неизвестный вышел.

Пушкин же, оставшись один, всецело предался размышлениям о дуэли. Через час поэт прибыл на Комендантское. К удивлению Пушкина, Дантеса не было.

— Где-ж противник? — спросил поэт секунданта.

— Заняты-с они. В военкомат на переучет поехали. Потом у них сегодня политчас и санчас.

— Что-ж он не предупредил? — недовольно сказал Пушкин.

Секундант возмутился:

— Они, знаете ли, не воробьев гоняют, а делом заняты-с. Хорошо это вам, конечно. Написали стишки в вечерку и отдыхаете целый день. Хотите — стреляетесь, хотите — в кино ходите. А Дантес, как-никак, комсостав. Работы у них по горло-с.

Раздосадованный и смерзший Пушкин стал от нечего делать рассматривать взятый с собой на случай дуэли наган. Но не долго рассматривал его поэт. Неожиданно явился квартальный и, увидев в руке Пушкина оружие, грозно спросил:

— Разрешение на оружие имеете?

— Д-да... т.-е. нет, — смутился поэт.

— Шагай за мной, — прогремел квартальный. — А вы, граждане, свидетелями будете, — обратился квартальный к секундантам.

— Никуда я не пойду! — гордо ответил Пушкин. — Я приехал сюда на дуэль. А эти люди — секунданты.

— Не спорьте, гражданин, — внушительно сказал квартальный.

— Повторяю вам, что я не пойду никуда. Я сюда приехал драться с Дантесом.

— Ах, ты драться захотел, — засмеялся квартальный. — А ну-ка, попробуй.

Раздался свисток, и через минуту двое постовых вели поэта в милицию. Шествие замыкал квартальный.

А на завтра в вечерней газете в рубрике: „Оштрафованы за хулиганство и дебош“ было напечатано следующее:

„Иванов С. — за озорство на 5 р.; Сергеев З. — за постыдные действия на 5 р.; Пушкин А. — за нарушение общественной тишины и сопротивление милиции — на 25 р.“

* * *

Вот-с. Видите ли, граждане, как времячко-то изменилось? Это раньше только могла случиться такая вещь, что цветущего, талантливое поэта вдруг на тридцать восьмом году ни за что, ни про что ухлопывают. А нынче много гуманнее все стало. Вместо смерти все это дело стоило бы поэту три червяка максимум.

МУЗЕЙ СТАРОГО БЫТА

— Ерунда это, что власть наша художеству и музеям сочувствует. Конечно, может быть, Веласкеза она и в герои труда произведет, но своего собственного гражданина обидит непременно. Вот я, скажем, безработный. Так неужто же и голова работать не должна? А раз должна, я и открыл у себя на квартире „музей старого быта“ по цене 30 коп. за вход. Что и говорить. Народ нынче в культуру уклоняется и всякой чепухой интересуется... И стали это мой музей ребята посещать. А я вожу их по квартире да поясняю.

№ 1. Кровать двуспальная, перина и думка. Оплот прежней формы брака. Раньше люди страдали и отдыхали кустарно в собственном брачном ложе. А нынче, говорю,—век машин. Ежели отдыхать, шагай в клуб, а ежели тебе утратить угодно, пожалте на биржу труда в очередь. Долой бога, венчавшего и разводившего нас. Будем-ка размножаться своею собственной рукой.

№ 2. Умывальник. Раньше, верно, человека за чистую рожу уважали. Ежели карточка, говорю

в саже, из всех мест выгоняли. Поневоле это мыться приходилось. Теперь не то. Мыться,— конечно, мойся, но помни, что не в одном мытье залог успеха. Нужен еще и стаж, и происхождение. А если кто насчет „чистота—залог здоровья“, то прошу внести в ЖАКТ на ремонт водопровода сумму, и все наладится. Чай, говорю, наводнения тоже столько лет ждали.

№ 3. Стол обеденный. Прежде в лозунгах никто ни черта не смыслил. Это только теперь пошло, что от чадных плит ступайте, мол, в чадные столовки. А раньше от чадных плит к собственному обеденному столу народ шел. И, конечно, некультурно шел... Плаката — „не выражаться“ никто у себя над башкой не вешал. Тоже насчет и „не плевать“. А теперь — дудки. Стройными рядами становись в очередь за талоном в Нарпите.

№ 4. Декорация жилища. Хорошо это, граждане, нам сегодня. Накупишь на целковый плакатов: „Дави вошь, не то с тифом пропадешь“, или „Отчего в океане вода стала дыбом? Оттого, что радио слышно рыбам“—и, глядь, все неровности обоев прикрыты. А раньше—не то... Дыра на обоях—дырой, а прикрыть ее нечем... До плакатов не додуматься дуракам было. Что-ж, приходилось женскими головками без всякой идеологии пятна обойные ступшевывать.

№ 5. Лирика быта. Канарейка в клетке. Тогда, товарищи, говорю, все желтое было. Желтая пресса, желтый Интернационал, желтая канарейка.

И репертуар у ней был, как у государственной думы. Ежедневно то же самое поет, а дело на месте стоит. Нынче заместо канарейки у нас хорошие кружки имеются, и всякий может там голосить до устали любимую песню: „Мы кузнецы.“ А клетка пусть пропадет с прочими решетками, которые уничтожаются через МОПР.

И до чего красиво я фразы эти завинчивал... Только недолго я их завинчивал. Пришли ко мне на третий день какие-то элементы в полушубках, и не успел я им и пятую часть про перину рассказать, как приказали они мне лавочку закрыть.

Дозвольте-ж вас спросить, на каком это основании закрываются культпросветы на хозрасчете, дающие пищу народному мозгу, а всякие Рембрандты процветают? Довольно „варягов“, товарищи! Пора и на себя оборотиться... Да нешто верхи поймут? Им бы только человека затереть.

СОВРЕМЕННЫЙ ПИСЬМОВНИК

Написать краткое, толковое письмо в наш век истерической канцелярщины — вещь многим непосильная. Идя навстречу страждущим, настоящим приводим образцы писем по поводу разных событий:

1. *Письмо к ответработнику по поводу октябрина его сына.* Узнав, что ваша жена, этот верный соратник вашей жизни на пользу класса, безбожно родила сына и также без описи желает его октябрить, я кричу «ура» юному Кимчику. Кончаю письмо, потому что встал, чтоб пропеть Интернационал, а стоя писать неудобно.

2. *Письмо-соболезнование по поводу смерти.* Клеймя позором грипп, лишивший трест счетовода, а вас, тов. вдова, мужа, я соболезную и надеюсь, что похороны будут за счет соцстраха и что вы получите деньги за неиспользование покойником отпуска. Лью слезы, а также сообщаю, что я полгода уже безработный и мог бы занять место, нагретое ныне холодным покойником. Очень прошу вас сказать обо мне заву.

3. *Письмо скрыто-коммерческое за границу.* Ах, у нас много горя. Умерла тетя Рашель (Шипр № 2) и умер дядя Симон Крем (в тубиках не надо). Мы плачем, но нам не хватает платков, чтоб вытереть слезы. Нет ли у вас? У нас еще горе. Зина и Мина попали под трам, и им отрезало ноги с туфлями и чулками. Может вы все это пришлете, так как им не в чем выйти на улицу. P. S. Мы все служим и совсем не умеем торговать.

4. *Письмо-опровержение.* В ответ на заметку рабкора X сообщаю: а) он пишет, что я пью, как лошадь. Ложь. Лошади не пьют, а рабкор, следовательно, клеветает; б) он пишет, что я ни одной женщины не пропускаю. Ложь. Любая без пропуска может пройти в мой кабинет; в) он пишет, что я перед кассой в долгу, как в шелку. Ложь. Никогда я в шелка не одевался и кроме толстовки с 14-ю пуговицами ничего не имею на себе. Ложь...

5. *Письмо карьеристическое.* Спешу поделиться радостью по случаю продвижения китайских реввойск. А также радуюсь поражению фашистов на о. св. Пасхи (долой попов!). Кстати, нет ли у вас портретов фашистов т.т. Кука, Ракоши, Марти и Пестеля (впрочем, Пестеля не надо, — он б. офицер). Сейчас зачитываюсь Марксом. Чудная книжонка! До слез радуюсь, какие гении существуют в нашей среде. С ком-плиментом ваш тов. Зякин.

6. *Письмо любовное.* Ум хорошо, а два — лучше. Я уважаю вас, гражданка, за ум. Приходите ве-

чером ко мне на беседу. Тема: пол и характер. Докладчик—я. Содокладчик—вы. После доклада прения. Несмотря на свой ум и происхождение, я—безработный, какое качество пусть разрушит ваши розовые мысли о содержании детей—цветов нашей жизни и будущей смены.

7. *Письмо человека, симулирующего самоубийство.* В смерти моей прошу никого не винить, как я уйду в лучший мир, где нет квартплаты и сокращения штатов. Что касемо суммы, которую вы, быть может, не найдете в кассе, то жаль, что умираю, а то бы высказал подозрение, кто виноват. Еще имею злобу на снижение цен, потому какое же это снижение, ежели билет до Конотопа стоит семнадцать в жестком. Тела моего не ищите, потому что не найдете, как не поняли вы истерзанную душу мою.

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

В клубе домашних хозяек собралось много народа.

В связи с годовщиной Февраля был объявлен „вечер воспоминаний“. Ровно в восемь на эстраду вышел инструктор и сказал речь о значении Февраля.

После речи должны были начаться воспоминания.

— Ну-с, гражданки, попрошу кого-нибудь поделиться яркими воспоминаниями.

Но женщины стыдливо молчали. Только изредка была слышна шопотом оброненная фраза:

— Милая, ну, пойдите вы! У вас, будто, голос резче и притом вся из себя более подходящая к этому.

И все-таки дальше шопота дело не двигалось. Тогда инструктор, чувствуя, что для общего взрыва воспоминаний требуется хотя бы первая вспышка, весело сказал:

— Эх, вы, женщины! Про всякую ересь болтать — все вы мастерицы, а как действительно

о деле поговорить, так до вас и не докличешься. Ну-ка вы, гражданка, расскажите, что помните, — факт какой, либо мелочь. А потом остальные поддержат. Валите, не стесняйтесь!

Женщина лет сорока, слегка смутившись, поправила платок и вышла на эстраду:

— Ну, вот, дорогие! Я, конечно, женщина и, конечно, делов у меня по дому много. То ребеночка накормить, то плиту затопить, то за мужиком посмотреть. Ох, гражданочки, кабы вы только знали, что это за работка, у ворот-то мужа поджидать, когда в заводе получка. Каждому тогда интересно деньги от бабы спрятать. Ну, а назавтра явится он, ирод, домой без шапки, без получки, только глазами с похмелья хлопает.

— Не говори, милая, — с места добавила худая и бледная домхозяйка. — Очень трудно с пьющим жить. А который непьющий, тот не то, что пьющий. Он и в заводе на хорошем счету, и дома от него польза. Вот мой покойник прямо золото был, а не человек... А как помер он в двадцать четвертом, седьмого декабря, так я с тех пор с ребятами как неприкаянная и хожу. Все последнее на ребят отдала, а домоуправ в положение, между прочим, не входит. Вы, говорит, из двадцать шестого номеру по воскресеньям на барахолке ма-клячите, а я ему...

— Гражданки! Вы отвлекаетесь от темы, — зычным голосом сказал инструктор. — Какие же это воспоминания? Продолжайте, гражданка, по существу! — обратился инструктор к первой женщине.

— Ишь, сбилась, — сказала она. — Ну вот, это самое. Вспомнила. Тогда, в тую революцию, помню, страшный холод был. Пошла я дров покупать. Нет, вру, квартира у нас тогда с дровами была. Я растопку покупать ходила. А дров тогда покупать не требовалось. Вот теперь-то, действительно, на-счет дров у меня забота. Я так считаю, сама хоть голодная сиди, а главное, чтоб тепло было. Вот. А за швырок нынче 17 берут.

— Восемнадцать, дорогая! — крикнула толстая домхозяйка из первого ряда. — А у нас, на Никольском, даже 19. И еще обманывают черти. Сверху, верно, береза, а под низом — осина, прости господи.

— Да. А вот у моего на фабрике подписка на дрова устроена была. Деньги собрали, а дров не видно.

— И в Древлтресте тоже все обещают, обещают, а пока мерзни, — услышался голос из задних рядов.

— Гражданки! Опять вы в сторону свернули. Ну, вспоминайте, — строго обратился инструктор к первой рассказчице.

— Эх, товарищ дорогой! — вдруг вспылила она. — Дай же нам, бабам, хоть раз в жизни поговорить. Сам, чай, знаешь, какие мужики-то у нас. На собранье редко пускают, все в доме работать велят. Неужто и ты такой?

— И верно, — крикнула маленькая толстушка. — Чего там старое вспоминать? Ну его, к бесу! Прошло и ладно и вспоминать-то его, проклятое,

тошно. А сколько у нас, товарищ, бабских-то дел накопилось! Ведь поговорить-то нам за работой не с кем. Ни тебе посоветоваться.

Инструктор взглянул на часы. Ему предстояло провести еще одно собрание. И поэтому, махнув рукой, он уселся за составление отчета о вечере.

И под общий гул о ситце, о страхкассе, о гриппе, о нэпмане из бель-этажа инструктор, заткнувши уши, писал:

... «И незаметно вечер воспоминаний вылился в вечер самодеятельности и вечер вопросов и ответов. Позабывши раз навсегда проклятое старое время, беспартийные домхозы простыми словами говорили о великом сегодня, радуясь его победам и болея его случайными недостатками».

А кругом говорили, говорили без конца. И казалось, что речей этих хватит не только на один вечер воспоминаний, а на целое новое десятилетие.

СКРЫТАЯ ЖИЗНЬ

Сапожник Иван Сычуг вернулся домой в прекрасном настроении. В голове у него шумело, а язык так и порывался вступить с кем-нибудь в дискуссию. Но Сычуг был одинок и, кроме обуви разных цветов и фасонов, дома его никто не ждал. Впрочем, это мало смущало сапожника.

— Эй, ботиночки, разлюбезные,— запел Сычуг, входя в „мастерскую“. — Единоутробные мои. И чиню я вас, и люблю я вас!

Но ботинки в ответ молчали. Это слегка рассердило сапожника.

— Ребята! Сапоги бездушные! А где-ж благодарность? Береги вас, болтай тут с вами, а вы на мастера—ноль внимания? Только зря, скажу, черти, задаетесь. Сычуг знает многое. С ним деликатней надо.

В углу завозилась мышь. Ее суетливые движения окончательно озлобили сапожника.

— Что-с? Не желаете меня уважать? И... и не надо. К чорту! Сами виноваты. Не обязан я чужие тайны хранить. Все выложу, что знаю.

И размахивая рухами, Сычуг обратился к лакированной туфле.

— Востроносая! А ну-ка, расскажи вот им, хромовому сапогу гражданина супруга своего, с кем это ты на островах топаешь? Молчишь? И пес с тобой. Сам скажу. Вон она с кем шляется. С шевровым джимом, что без левой набойки. Обратите внимание. — Сычуг самодовольно засмеялся и повернулся в сторону хромового сапога.

— Да. А ты, братец, рохля! Шляпа ты, а не сапог. Все по совещаниям бегаешь, а такой пустяковины заметить не мог. Ты бы ее, изменницу, по заднику — раз за такие проступки. Ведь она, беспутная, третью пару подметок за сезон портит.

Сапожник пнул хромовый сапог и принялся ругать шеврового джима.

— И для тебя, канарейка, у меня слово найдется. Снова, сукин-сын, с лаковой лодочкой связался? Не к добру. Погляди на детский сандаль, что слева изорвавшись лежит. Твоего же потомка он. Разве так полагается? Ты на лакированную стерву последний грош тратишь, а ребята скоро вбосятку по улицам побегут. Срамота!

Сычуг сплюнул на пол и продолжал:

— Может вы, товарищ, опровергать станете, ась? Не тратитесь? Так дозвожь тебя, шаромыжника, спросить, на какие средства ты с ней в рестораны прешься? Что, съел? Мне все известно. Мы тебя и на барахолке с казенным товаром видели. Нас не проведешь!

— А тебя, олуха, проведешь, — заорал вдруг Сычуг, взглянув на полотняный полуботинок, лежавший на подоконнике. — Ему велено по ревизиям скакать, а он хоть бы хны.

— Неужто, шкура полотняная, не видишь, что джим тебе скоро весь магазин на сторону пустит? Сейчас, небось, спишь, а потом завопишь. Эх, ну и народ пошел!

Сычуг даже вздохнул с досады, но, заметив потрепанные детские сандалии, набросился с новым жаром и на них:

— У, развратники! Мальчиковый размер, а, поди-ж ты, на взрослую обувь подглядывают. В папашку уродились, балбесы. Ну, нечего отнекиваться. Сычуг ваши следы и на заднем дворе возле орлянки встречал.

И, пригрозив сандалиям кулаком, сапожник, окончательно упоенный своим красноречием, сел за стол работать. Но через минуту, клюнувшись на „хромовую рохлю“, что не следит за „лакированной стервой“, Сычуг громко захрапел.

„РОЗА ПАЛЕРМО“

Чем грязнее провинциальная гостиница, тем живописнее называется она. „Роза Палермо“ со своими кисейными занавесками, отсыревшими обоями и шестью полутемными номерами для „приезжающих“ людей и „проживающих“ клопов была типичной захолустной гостиницей. Единственное, чем она, быть может, отличалась от прочих одноименных учреждений — это коридорным. Старик Кузьмич служит в „заведении“ с незапамятных времен. Многого видал он... Но коридорный должен делать вид, что он именно ничего не видит, и поэтому Кузьмич никогда не делится ни с кем своими впечатлениями.

Мирное время... По вечерам „таинственные парочки“, инкогнито которых раскрыто еще задолго до их встречи, заполняют номера. Но это — будни. А вот разнообразие: случайно днем в гостиницу приходят по одиночке бледные молодые люди, безропотно отдающие свой паспорт и не торгующиеся. И когда эти люди закрывают за собой двери, Кузьмич знает, что сейчас последует возглас:

— Коридорный, чернильницу!

Дальнейшее просто. Безразличная поза трупа и записка, написанная выцветшими чернилами „Розы Палермо“:

„Жизнь скучна. Я больше не могу... В смерти моей никого не винить“...

Листки календаря слопали мирное время. Городок волей судеб становится прифронтовым центром. Номера берутся с боя... Исчезают прежние парочки. Чужие люди в военной форме спят на одной кровати, царапая портупеей лицо друг у друга. И в темную ночь коптящая лампа слышит теперь вместо надрывных возгласов любви серьезные и мрачные слова:

— Коридорный, чернильницу!

Кузьмич, накинув на одно плечо полушубок, приносит безусому прапору чернильницу. Тот жадно берет перо и в эту последнюю перед фронтом ночь пишет последнее личное послание. Там дальше пойдут „донесения“ и „рапорты“.

„Ну, вот. Завтра начнется. Умоляю не волнуйся. Я весь с тобой. Верю, что увидимся“...

Но война, пропев слова первого куплета, сбилась, — и последние аккорды прогремела революция. Все закружилось. А быстрее всех кружилась стрелка часов, увлекая за собой годы... Давно сорваны и безграмотная вывеска, и кисейные занавески. Номера не снимаются ни на время, ни на ночь. Ночь смешалась с днем, образовав круглые сутки, которых нехватает на великое новое дело. „Роза Палермо“ отцвела...

Зато в ее заплеванных и усеянных окурками козьих ножек номерах помещается уисполком. Энергичные, но вечно утомленные люди в полубубках и в кожтужурках лихорадочно крепят новое, тут же убивая старое. И со смертью этого старого умерла полузабытая фраза:

— Коридорный, чернильницу!

Умерла... Стучит машинка, наскоро реквизи-
рованная у б. нотариуса. Ажурной становится фиолетовая лента Ремингтона. А настуканные отношения с тремя подписями летят в центр, откуда приходят ответные. Сперва они идут месяц, потом неделю, потом два дня. Единственный стук страны—стук пишмашинки с каждым днем растет и превращается в шум. В гулкий шум оживающих заводов и паровозов. Катятся поезда, нагруженные днями, и вот уже в одном из вагонов полуоглохший Кузьмич находит свое прежнее счастье...

„У. О. Н. Х. Красная Роза Палермо“, — вычурным шрифтом пишет живописец. Жизнь городка налаживается. Уисполком переезжает в новое отремонтированное помещение. А в номерах появляются новые люди. Командируемые в разные места кооператоры, агенты, представители с неизменным портфелем в руках заселяют теперь комнаты. Приезжая на несколько дней, они вечно торопятся. И только в день отъезда раздается зычный голос из номера:

— Коридорный, чернильницу!

Бедный Кузьмич! Он умеет снимать пальто с вешалки, приносить кипяток и убирать пустую

бутылку из-под водки—и все. Но его заставляют теперь часто писать. И, надев очки, он пишет за двугривенный, вздыхая, двойной фиктивный счет от имени гостиницы. Пишет он очень медленно и спешащие „командировочники“ ругают его за это. Но вот счет написан, мандат возвращен и уже из следующего номера слышен новый голос; это кричит другой уезжающий-приезжающий: — Коридорный, чернильницу!

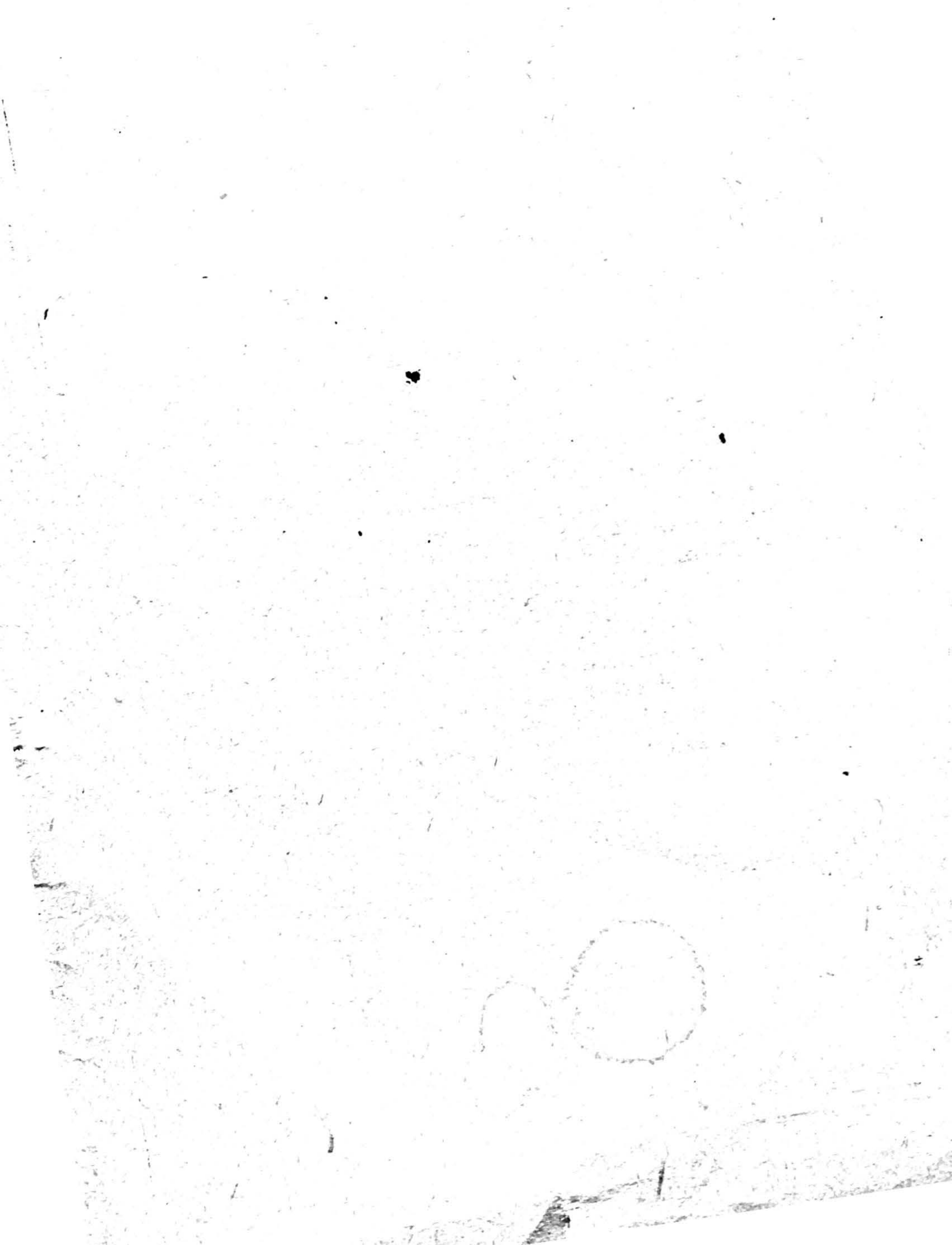

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
1. Первый сценарий	3
2. Цирковой гений	6
3. Сов-завещание	8
4. Пашкина карьера	13
5. Тонкости жизни	16
6. Как это было бы сейчас	19
7. Музей старого быта	23
8. Современный письмовник	26
9. Вечер воспоминаний	29
10. Скрытая жизнь	33
11. „Роза Палермо“	36

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА БЕГЕМОТ

В 1928 г. вышли из печати:

- № 86. Л. Митницкий. Тринадцатый с нагрузкой.
- № 87. Н. Баршев. Обмен веществ.
- № 88. И. Гуревич. Граждане довоенного уровня.
- № 89. И. Свэн. Самоучитель драматургии.
- № 90. Мих. Андреев. Фабрика нищих.
- № 91. А. Яковлев. Гибель Халюзина.
- № 92. Э. Гард. В страну чудес.
- № 93. И. Прутков. Для потомства.
- № 94. И. Потапенко. История одной «коммуны».
- № 95. Вяч. Шишков. Кикимора.
- № 96. В. Черний. Чудесная девушка.
- № 97. Игн. Ломакин. Идеал женщины.
- № 98. Р. Волженин. Пощечина.
- № 99-100. Синклер Льюис. Я знаком с самим президентом.
- № 101. М. Коварский. Первый сценарий.

Цена отдельного выпуска 10 коп.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕЧКА:

- № 1. Влад. Воинов. Трусика — беленькие усики.
- № 2. Игн. Ломакин. Бурый бродяга.
- № 3. Р. Волженин. Дом из коврижек.
- № 4. К. Чуковский. Чепушинка.

Цена отдельного выпуска 10 коп.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Еженедельн. библиотека вместе с журналом „БЕГЕМОТ“

На 1 мес. . . . . — р. 95 к. || На 6 мес. . . . . 6 р. 35 к.
„ 3 „ . . . . . 2 „ 75 „ || „ 12 „ . . . . . 10 „ — „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

**В ЛЕНИНГРАДЕ — в Главн. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“:
ФОНТАНКА, 57. В отделении Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ
25 ОКТЯБРЯ, д. № 68, и во всех почтовых конторах СССР.**